

УДК 316.334

ИЗУЧЕНИЕ ФЕНОМЕНА КОРРУПЦИИ В СОЦИОЛОГИИ: ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Волянская Елена Владимировна – кандидат социологических наук доцент кафедры социологии, социологического факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

У статті розглядаються можливості дослідження корупції в рамках різних соціологічних підходів. Актуальність даного огляду пов'язана з потребою в розробці методик виміру рівня корупції, адекватних до ситуації в Україні. Показано, що для об'єктивного аналізу даного феномену необхідно виходити з положення щодо діалектичного взаємозв'язку трьох аспектів соціального світу корупції. Перший характеризується тим, що корупція є результатом свідомої діяльності людей; другий - тим, що корупція є об'єктивною реальністю; третій - тим, що хабарник і хабародавець є соціальними продуктами.

Ключові слова: корупція, корумпованість, корупційні практики.

В статье рассматриваются возможности исследования коррупции в рамках различных социологических подходов. Актуальность данного обзора связана с потребностью в разработке методик измерения уровня коррупции, адекватных ситуации в Украине. Показано, что для объективного анализа данного феномена необходимо исходить из положения о диалектической взаимосвязи трех аспектов социального мира коррупции. Первый характеризуется тем, что коррупция является результатом сознательной деятельности людей; второй - тем, что коррупция является объективной реальностью, третий - тем, что взяточник и взяточкодатель являются социальными продуктами.

Ключевые слова: коррупция, коррумпированность, коррупционные практики.

The problem of given article — to consider possibilities of research of corruption within the limits of various sociological approaches. It is important for working out of techniques of measurement of level of corruption adequate Ukrainian соціокультурної situations. The review above the resulted approaches gives to our the grounds to consider that in sociological research of corruption not enough attention is given to interaction macro- and микрорівневих factors. For the objective analysis of the given phenomenon it is necessary to consider fundamental dialectic interrelation of three aspects of the social world of corruption. The first is characterised by that corruption grows out of conscious activity of people; the second - that corruption represents an objective reality; the third - that the bribe taker and the briber are social products.

Key words: corruption, corruption practices.

Если вслед за Питиримом Сорокиным считать коррупцию болезнью социальных институтов, то масштабы ее распространения в Украине свидетельствуют о пандемическом характере этого явления. Борьба же с коррупцией на уровне государства носит скорее декларативный, имитационный характер.

Хотя на сегодняшний день не существует универсальных методик измерения уровня коррупции, оценка одних лишь индексов восприятия ее населением позволяет отнести Украину к числу наиболее коррупционно - лояльных государств. Так, по оценкам Международной организации Transparency International, в 2009 году Украина вышла на 146 место среди 180 государств мира, участвовавших в опросе. В 2008 году Украина в этом рейтинге занимала 134 место (чем больше цифра — тем выше индекс восприятия коррупции). По данным всеукраинских мониторингов, более 40% респондентов высказывают лояльное отношение к коррупционным практикам, из них 10% назвали их "нормой общественной жизни" и 31,68% - "наиболее простым способом решения проблем"¹.

В научном сообществе сложились определенные традиции исследования коррупции. Существует функциональная зависимость между масштабом коррупции и интересом к ее исследованию. Эта связь проявляется тогда, когда коррупция достигает критической черты, а она сама и ее последствия осознаются обществом как социальная проблема. Хотя развитие коррупционной культуры свойственно большинству

¹ Соціологічне дослідження щодо ставлення до корупції студентів вищих навчальних закладів III-IV рівні акредитації в Закарпатській, Івано-Франківській, Чернівецькій та Тернопільській областях, Лютий 2008 // Агентство США з Міжнародного розвитку (АМР США), Корпорацію Викилики Тисячоліття (МСС) та Менеджмент Системс Інтернешнл (MSI).

социальных сфер, на уровне общественного сознания эта проблема начинает осознаваться в связи с коррумпированностью таких социальных институтов, как медицина, образование и органы правопорядка.

Задача данной статьи — рассмотреть возможности исследования коррупции в рамках различных подходов. Актуальность поставленной задачи связана с проблемой несоответствия индексов восприятия распространенности коррупции реальной ситуации. В связи с этим природа коррупции, ее причины и последствия, антикоррупционные меры являются предметом неутихающих споров. При этом приходится констатировать, что до сих пор не существует сколько-нибудь удовлетворительного, с точки зрения большинства исследователей, определения коррупции как социального явления.

Безусловно, можно было бы заимствовать определение коррупции, которое разработано правоведом. Так, исходя из Проекта Закона Украины "Про засади запобігання та протидії корупції", коррупция рассматривается как "противоправное использование лицом полномочий и связанных с ними возможностей, с целью незаконного получения благ для себя и других лиц, и, соответственно, неправомерные обещания, предложения и предоставление таких благ".¹

Определения коррупции с позиции права имеют, конечно, очевидные достоинства, однако страдают и многими недостатками. Так, по словам И. Мени, поскольку коррупция не является банальным правонарушением, наподобие нарушения правил дорожного движения, в ее определении необходимо выйти за пределы собственно права [6, р. 362]. В частности, И. Мени обращает внимание на то, что социологическое определение коррупционного поведения может выдвинуть на первый план отношение к данному явлению граждан и элит. Он ссылается при этом на известное определение и классификацию коррупции А. Хайденхаймера, согласно которой коррупционные действия в зависимости от выбранного основания (поведение) могут быть разделены на бюрократическую и политическую коррупцию; принудительную и согласованную, централизованную и децентрализованную [8, с. 62], чисто уголовную (в основном экономического характера) и политическую, которую, в свою очередь, делят на отклоняющееся и преступное поведение [9, с. 13–14].

Более сложную классификацию предложил М. Джонстон. Он выделил несколько типов коррупции: взятки чиновником в сфере торговли (за продажу нелегально произведенной продукции, завышение качества товаров и т.д.); отношения в патронажных системах, в том числе покровительство "боссов" на основе земляческих, родственных, партийных принципов (явление, описанное еще М. Вебером, а затем Р. Мертоном); дружба и кумовство; а также так называемая кризисная коррупция, обусловленная тем, что предприниматели вынуждены работать в условиях чрезвычайного риска, когда решения органов власти могут привести к существенным для бизнеса изменениям и потому эти решения становятся предметом торговли [10, с. 14–15; 11].

Первые исследования коррупции (в первой половине XX в.) были связаны в основном с анализом функционирования американской политической машины в крупных городах США, а также с реформами муниципального управления. В этих работах отмечена важнейшая характеристика коррупции — "дополнительность" по отношению к формальным институтам. При этом "побочным" продуктом этих исследований оказались симпатия и сочувствие, с которым описывались деятельность некоторых легендарных "боссов" крупных американских городов [11, р. 358]. В дальнейшем констатация определенной положительной составляющей в характеристике их деятельности получила обоснование в рамках структурно-функционального подхода. Здесь необходимо упомянуть предложенную Р. Мертоном модель анализа функционирования американской политической машины. Р. Мертон пишет о структурном контексте исследования, основным элементом которого он считает диффузию и фрагментацию власти и ответственности. Речь идет о крупных, быстро растущих городах США с их специфическими проблемами и конфликтами. В них возникали неформальные центры ответственности — власть "боссов", лидеров неофициальных исполнительных структур, работавших "в задней комнате" [11]. Колоритное описание этих акторов находим у М. Вебера [12, с. 682–685]. Если коротко сформулировать точку зрения М. Вебера на сущность явления "босс и его организация", то это — субститут бюрократии в развивающейся политической культуре демократии. По мере проведения реформы государственной гражданской службы в США "дилетантское управление" чиновников, сопровождаемое властью боссов, заменяется

¹ З проекту Закону України «Про засади запобігання та протидії корупції» корупція - протиправне використання особою повноважень та пов'язаних з цим можливостей, з метою незаконного одержання благ для себе, інших осіб, та відповідно неправомірні обіцянка, пропозиція чи надання таких благ.

профессиональным бюрократическим управлением, когда посты занимают университетские образованные чиновники, неподкупные и знающие свое дело [12, с. 685].

Возвращаясь к модели, описанной Мертном, отметим, что он подробно рассмотрел функции неформальных лидеров-боссов, выделив при этом несколько основных:

- предоставление различного рода услуг наиболее обездоленным гражданам (пища, работа, помощь в трудных житейских ситуациях и т.д.), платой, благодарностью за которые являлись голоса на выборах;
- решение проблем предпринимателей — как мелких (например, защита от взаимных посягательств), так и крупных, нуждавшихся в помощи при выполнении больших и дорогостоящих проектов; и те, и другие нуждались в неформальной защите от противоречий законов, кодексов и правил; благодарностью за эти услуги являлись денежные пожертвования - "масло для машины";
- предоставление каналов социальной мобильности для представителей тех социальных групп (например, этнических меньшинств), для которых закрыты или чрезвычайно затруднены иные, легальные способы вертикальной мобильности; платой за услуги в данном случае выступала безусловная преданность;
- замещение официальной легитимации незаконных видов бизнеса; при этом обеспечение контроля проводилось путем установления стандартов и пределов деятельности; платой в данном случае были денежные пожертвования.

Таков описанный Мертном паттерн. Признанная классической, данная модель являлась исходным пунктом для многих исследователей коррупции, хотя реальность, послужившая материалом для ее создания, существенно изменилась. Кроме того, данный подход не объясняет существование коррупции в индустриально развитых странах.

Основные подходы к исследованию коррупции. Традиционный, "идеалистически-философский", известный также как "морализаторский" или "конвенциональный". Вероятно, наиболее известным представителем данного направления был К. Фридрих, вклад которого в исследование данного вопроса иногда ускользает от внимания исследователей [13, с. 145]. Он рассматривал коррупцию как поведение, отклоняющееся от преобладающих в политической сфере норм и обусловленное мотивацией получения личной выгоды за общественный счет. Личная выгода не обязательно имеет денежно-финансовый характер. Она может быть связана с продвижением по службе самого коррупционера, членов его группы поддержки или иными преимуществами для членов его семьи и приближенных. К. Фридрих увязывал степень коррумпированности власти с контекстом ее осуществления, степенью консенсуса, достигнутого в обществе, а факторами, сдерживающими коррупцию, считал оппозиционные власти движения и свободную прессу. Для К. Фридриха коррупция — явление почти однозначно негативное, "патология политики", при которой порча затрагивает и государственных чиновников, и властные институты, хотя он и признает ее функциональность до определенного предела. Необходимо подчеркнуть и еще один важный момент во взглядах К. Фридриха на коррупцию. Он считает ее одним из неперенных спутников политики, и окончательная победа над коррупцией для него — задача утопическая. Тем не менее, ей нужно давать энергичный отпор, чтобы болезнетворные зародыши не распространялись и не разрушали политическую систему.

Традицию институционального подхода - анализа коррупции как девиации элит поддерживали Д. Саймон, Д. Эйтцен, Д. Най и С. Хантингтон. Необходимость такого подхода они обосновывают тем, что термин "беловоротничковая преступность" не адекватен сути явления — институционализации безнравственности, аморальности и скандализации страны, а также тем, что в США проблема преступности на самом деле коренится в системе, в которой преступность низших классов, мафия, коррумпированный публичный сектор и преступные сообщества объединяются ради выгоды и власти. Поэтому они исходят из предположения, что преступность и девиация социетально обусловлены, заданы на уровне общества. Это означает, что определенные социологические факторы обуславливают совершение преступлений как индивидами, так и организациями. Среди наиболее важных из этих факторов в американском обществе называют властную структуру как таковую [15, с. XII, 9–10,].

Второе направление — "ревизионистская" школа анализа коррупции — связана с работами исследователей проблем стран третьего мира. Большинство политологов и социологов считают коррупцию болезнью развивающихся обществ, результатом, следствием и/или проявлением незавершенной модернизации и бедности. Представители этой школы, например, Хосе Абуэва, Дэвид Бэйли, Натаниэль Лефф, Колин Лейес выступали против односторонне-негативистского подхода к

коррупции как общественной патологии. Напротив, они утверждали, что коррупция может выполнять позитивные функции в плане интеграции, развития и модернизации обществ "третьего мира" [16].

Действительно, распространение рыночных отношений, с одной стороны, и бюрократизация власти и управления, с другой, разрушают связи патримониального господства, традиционные формы групповой солидарности, характерные для доиндустриальных обществ. Однако в развитых странах это более продолжительный процесс, и, что еще важнее, в западных странах вместо личной зависимости между индивидами установились по преимуществу договорные отношения, регулируемые правом, что явилось результатом длительного поиска гражданских форм защиты и солидарности. В обществах, форсирующих модернизацию, а также в тех, где состояние переходности по различным причинам приобретает характер "зависимого развития" и исторически сильны государственные начала в общественной жизни, затруднено формирование институтов, свойственных модернизированным обществам, или их существование дисфункционально. Отношения типа "патрон-клиент", являясь естественной формой защиты индивида в традиционном обществе, имеют все шансы сохраниться и в период модернизации. Они могут проявляться по-разному и нередко воспринимаются как коррупционные. Что касается развитых стран, успешно и давно осуществивших модернизацию, то сохранение различных форм личной зависимости и господства в публичной сфере, которые реализуются, в частности, в актах обмена индивидов и представителей государственной власти, чиновников, означает коррупцию институтов.

С 70-х гг. в исследованиях доминируют представители неолиберальной политэкономии. Так, Н.Лефф, Д. Питере и С. Уэлч, С. Роуз-Эккерман рассматривают коррупцию как механизм оптимизации управления для получения материального вознаграждения и одновременного сохранения своей должности. Экономические, рыночно-центристские подходы к изучению коррупции рассматривают ее как форму социального обмена, а коррупционные платежи — как часть трансакционных издержек. В рамках этого подхода коррупция связывается с чрезмерным вмешательством государства в экономические процессы. Поэтому коррупция может быть вполне функциональна, поскольку является противовесом излишней бюрократизации [16]. Она выступает средством ускорения процессов принятия управленческих решений и способствует эффективному хозяйствованию. Следует отметить, что эти положения первоначально были сформулированы для стран с централизованно-управляемой экономикой, к которым относился и СССР, и для стран третьего мира. Хотя в дальнейшем разработчики данного направления аналогичным образом подходили к анализу коррупции в развитых странах с рыночной экономикой, выступая против расширяющегося государственного участия. Однако эта точка зрения не помогает понять и объяснить, почему в некоторых странах с довольно высоким участием государства в экономике коррупция весьма невысока (например, в Дании).

В рамках вышеназванного подхода рассматривает коррупцию автор известной теории коллективных благ М. Олсон. Суть его позиции состоит в том, что любое законодательство или ограничение, вводящее "рынок наоборот", создаст практически у всех участников побудительные мотивы к нарушению закона и скорее всего приведет к росту преступности и коррупции в рядах правительственных чиновников. Таким образом, одна из причин, по которым многие общества серьезно поражены коррупцией госаппарата, заключается в том, что почти все частные предприниматели имеют побудительные мотивы к нарушению закона, при этом почти ни у кого не возникает стимула сообщать о таких нарушениях властям. Не только *совокупный* побудительный мотив частного сектора толкает его обойти закон, но и все побудительные мотивы, характерные для частного сектора, оказываются на стороне тех, кто нарушает правила и постановления. Когда таких постановлений и ограничений становится слишком много, рано или поздно частный сектор (поскольку все или почти все его представители имеют побудительные мотивы к нарушению антирыночных установок или к подкупу чиновников) делает правительство коррумпированным и неэффективным" [17, с. 401].

Представители функционального и неолиберального подходов используют формальный анализ явления, базирующийся на изучении модели индивидуального поведения с точки зрения традиций, без учёта динамики коррупции и антикоррупционных усилий. Поэтому проблема взаимодействия между микро- (личностными) и макро- (структурными) факторами коррупции остаётся ими не исследованной. Кроме того, они не объясняют, почему одни проявления коррупции признаются социальной проблемой, а другие - нет.

Конечно, приведенная классификация исследовательских подходов достаточно условна, но она позволяет включить в разработку показателей уровня коррупции различные аспекты социальной среды. Обзор вышеприведенных подходов дает нам основания считать, что в социологическом исследовании коррупции недостаточно внимания уделяется взаимодействию макро- и микроуровневых факторов. Для

об'єктивного аналізу данного феномена необхідно розглянути фундаментальну діалектичну взаємозв'язь трьох аспектів соціального світу корупції. Перший характеризується тим, що корупція є результатом свідомої діяльності людей; другий - тим, що корупція є соціальною реальністю; третій - тим, що взяточник і взяточода є соціальними продуктами.

Література:

1. Шабалин В.А. Політика і правопорушення // Державство і право. - 1994. - № 4.
2. Meny Y. Corruption "fin de siècle": Changement, crise et transformation des valeurs // Revue internationale des sciences sociales. 1996. № 149 (September).
3. Heidenheimer A., Johnston M., Levine V. (dir. publ.). Political Corruption: A Handbook. New Brunswick: Transaction Publishers, 1989.
4. Ожиганов Э.Н. Понятие и структура коррупции // Социология власти: Информационно-аналитический бюллетень. № 1: Социальные права российских граждан и их реализация. М.: Изд-во РАГС, 1999.
5. Катаев Н.А., Сердюк Л.В. Коррупция (уголовно-правовой и криминологический аспект): Учебное пособие. Уфа: ВЭГУ и УВШ МВД РФ, 1995.
6. Основы борьбы с организованной преступностью / Под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. М.: "ИНФРА-М", 1996.
7. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель. - 2006. - С. 880.
8. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: "Прогресс", 1990.
9. Friedrich C.J. The Pathology of Politics: Violence, Betrayal, Corruption, Secrecy, and Propaganda. N. Y.: Harper & Row, 1972.
10. Wewer G. Politische Korruption // Politic-Lexicon. / Hsrg. von E. Holtmann unter Mitarbeit von Heinz Ulrich Brinkmann und Heinrich Pehle. Zweite, überarbeitete und erweiterte Auflage. München; Wein: R. Oldenbourg Verlag, 1994.
11. Abueva J.V. The Contribution of Nepotism, Spoils and Graft to Political Development // East-West Center Review. 1966. № 3.
12. Rose-Ackerman S. Corruption: A Study in Political Economy. N. Y.: Academic Press, 1978.
13. Олсон М. Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагнация, социальный склероз.- Новосибирск: ЭКОР, 1998.
14. Хантингтон С. Кто мы: Вызовы американской национальной идентичности/ Пер. с англ. А.Баширова. - М.: ООО АСТ. - 2004. - С.635.

© Е. В. Волянская, 2010